

ТЕМА НОМЕРА

МЕТОДОЛОГИЯ В РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

DOI: 10.19181/vis.2024.15.1.3

EDN: QGEQFM

Российские социологи об основаниях солидарности: субъектность, предсказуемость и общность чувств¹

Ссылка для цитирования: Сиразетдинова М. Ф. Российские социологи об основаниях солидарности: субъектность, предсказуемость и общность чувств // Вестник Института социологии. 2024. Том 15. № 1. С. 70–90. DOI: 10.19181/vis.2024.15.1.3; EDN: QGEQFM.

For citation: Sirazetdinova M. F. Russian sociologists on the foundations of solidarity: subjectivity, predictability and common feelings. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 1. P. 70–90. DOI: 10.19181/vis.2024.15.1.3; EDN: QGEQFM.

Сиразетдинова Миляуша Фаритовна¹

¹Уфимский университет науки и технологий,
Уфа, Россия

glavredsirazi@gmail.com

AuthorID ПИНЦ: 675358

Аннотация. В статье рассматриваются подходы российских исследователей к пониманию солидарности и ее социальных оснований. Каждая концепция солидарности подчеркивает те или иные основания и факторы солидаризации общества, привязывая их к социальным изменениям либо, напротив, к константам человеческого существования. В периоды социальных изменений происходит не только снижение или повышение степени социальной консолидации, но ослабление одних форм солидарности и формирование других. Цель настоящего исследования – выявить основания солидарности, связанные с социальностью и антропологическими параметрами бытия. Хотя формы солидарности меняются от общества к обществу и на разных исторических этапах их развития, ни одно общество не остается жизнеспособным и прогрессивным в отсутствие солидарности. Настоящее исследование оснований солидарности выходит за рамки как традиционных социологических концепций интеграции и дезинтеграции, нормального общества и аномии, так и психологических теорий о потребностях в группе и самовыражении, описывающих только непосредственные предпосылки и эффекты солидарности. Автор опирается на вторичный анализ источников и теоретический анализ социологических концепций социальности и социального воспроизводства. В материалы исследования вошли публикации российских ученых начиная с XIX в. (когда в российской социальной мысли возникли первые концепции соборности, всеединства и позитивистско-прагматические трактовки солидарности) и до наших дней, посвященные вопросам условий формирования солидарности, консолидации и деконсолидации общества. Автор выявляет эксплицитно и имплицитно присутствующие в источниках

¹ Исследование выполнено за счет гранта РНФ, № 23-28-01474.

представления об основаниях солидарности, связанных с константами человеческого бытия и социальности: субъектность, предсказуемость и общность чувств. Субъектность социальных акторов как высший, рефлексивный уровень субъективности определяет их способность и волю к социальному творчеству и действиям в пользу социального целого. Предсказуемость социальной среды обеспечивает следование большинства приемлемым общим правилам, веру в общие ценности на основе взаимного доверия и справедливости. Взаимопомощь и альтруизм внутри солидарных общностей рассматриваются как невозможные без третьего фундамента солидарности – общности чувств социальных субъектов, связанной с общностью их жизненных миров.

Ключевые слова: социология, солидарность, российское общество, социальная практика, социальная теория, субъектность, эмпатическое присоединение

В настоящей статье представлены результаты исследования инвариантных оснований солидарности с особым вниманием к тому, как представления о них эксплицитно или имплицитно содержались в работах российских мыслителей в виде развернутых описаний или коротких инсайтов с момента начала исследований солидарности до современности. На примерах из истории социологии и результатов современных прикладных исследований демонстрируется, как уточняются представления об основаниях солидарности даже в тех текстах, которые напрямую не посвящены выявлению и характеристике оснований солидарности.

Хотя большинство современных исследователей сходятся во мнении о том, что идеология потребления не способствует консолидации общества, в публичном дискурсе отсутствует согласие в вопросах предпочтительности либерализации и усиления позиций субъектов креативных практик или ужесточения государственного контроля и «активации» православной идентичности и российских архетипов соборности. Ситуативную солидарность, проявляющуюся в ходе природных и социальных катастроф, Д. В. Ефременко, Я. В. Евсеева и О. Н. Яницкий оценивают как оптимальный источник формирования долгоиграющих сетевых сообществ [43; 47], а Ю. Г. Волков – как временное и потенциально деструктивное решение задач социальной консолидации [9, с. 42]. В связи с существующими концептуальными расхождениями авторов относительно условий социальной консолидации следует опираться не только на достаточно разработанное научное знание о специфике российской идентичности и менталитета.

Процессы социальной солидаризации протекают в любом типе общества, а значит, основания солидарности не сводятся к социокультурным и политико-экономическим факторам, которые только лишь придают специфические черты меняющимся формам солидарности. Отсюда можно заключить, что основания солидарности связаны с антропологическими константами (субъектность, выделяющая человека из природного мира) и социальным воспроизводством (обеспечиваемым предсказуемостью взаимодействия с Другим). Автор убежден, что каждое из приведенных оснований является неотъемлемым фундаментом всего многообразия форм

солидарности. Укрепление этих оснований должно естественным образом способствовать развитию солидарных отношений, а их разрушение – десолидаризации и деконсолидации общества.

Соотношение факторов, характеристик и оснований солидарности

Недавние исследования взаимосвязи идентичности и солидарности В. В. Дьяковой выявили зависимость между степенью солидарности и уровнем идентичности [12]. Наличие такой связи побуждает отдельных авторов и их коллективы (Н. Д. Вавилина, Г. В. Пушкарева, И. И. Кузнецов, Е. В. Батоврина) рассматривать идентичность как базу солидарности [44; 30] или, как в случае А. Б. Гофмана, в качестве ее существенной характеристики [11, с. 173]. Вместе с тем, С. С. Соковиков и О. Н. Зайкова показывают, что солидаризироваться способны носители разных идентичностей [33], например, представители разных социальных классов, и можно не быть солидарным с идентифицируемыми группами и общностями. Это можно объяснить тем, что субъективность в таких ее проявлениях, как менталитет и идентичность, определяет лишь уникальные черты специфически-локальной солидарности, значение которых подчеркивали, например, сторонники концепций соборности и всеединства. Дифференциация общества и возникновение анклавов партикулярной солидарности¹, воспроизводство и развитие разнообразных ее форм вторичны по отношению к основаниям солидарности.

Поэтому данная работа базируется на положениях социологических теорий (О. А. Кармадонов, М. К. Зверев) [см., напр., 19] и философской антропологии, признающих двунаправленный характер процесса воспроизводства и изменения социальных практик индивидуальными и коллективными усилиями [см., напр., 20], как и работы некоторых исследователей солидарности – Г. Д. Ковригиной, Д. В. Ефременко, Я. В. Евсеевой [22; 43].

В качестве материалов исследования, подвергнутых вторичному анализу, использованы работы российских социологов начиная с XIX в. до сегодняшнего дня, содержащие в том или ином виде (включая имплицитное присутствие) идеи об основаниях солидарности. К этим работам применены методы теоретического анализа, синтеза и обобщения. Некоторые существующие работы причисляют базовые основания солидарности к ее существенным свойствам либо способствующим факторам – необязательным предпосылкам солидаризации. В настоящей статье производится отделение оснований солидарности от предпосылок и признаков солидарности, а также систематизация вариантов проявления присутствия любого из этих оснований солидарности в солидарной общности.

Распад солидарности любого уровня, от семейного до общегражданского, не связан с «ущербностью» того или иного политического режима, экономического уклада и культурной идентичности. Поскольку, как про-

¹ Понятием партикулярной солидарности оперируют Д. В. Ефременко, Я. В. Евсеева [41], А. Б. Гофман [11]. В отличие от макросоциальной солидарности на уровне всего общества или государства, партикулярная солидарность есть солидарность отдельных групп и сообществ

демонстрировал Ю. Г. Волков, упадок общегражданской солидарности сопровождается социальной нестабильностью [7, с. 19], «частноэгоистической заинтересованностью и дефицитарной компетентностью правящего класса» [6, с. 20], а восстановление солидарности согласно Д. В. Ефременко, Я. В. Евсеевой, Б. В. Заливанскому, Е. В. Самохваловой, И. Голиковой сопровождается противоположными тенденциями [43; 48], то основаниями солидарности можно считать достаточную степень предсказуемости среды, реализации субъектности и эмпатического обмена.

Субъектность

Основываясь на положении Ю. Г. Волкова о связи солидарности с креативностью социальных практик [9], мы считаем субъектность как способность к самоопределению и самоизменению путем преобразования объективных обстоятельств важнейшим основанием солидарности. Социологи, такие как В. П. Бабинцев, Г. Н. Гайдукова и Ж. А. Шаповал, признают, что, добровольно участвуя в решении коллективных задач, как индивид, так и группа нуждаются в статусе субъекта [41]. Индивидуальная и коллективная субъектность здесь понимаются не в расхожем смысле способности к целенаправленной деятельности, а как способность индивидов и их групп к самоорганизации и самополаганию. Рабский и исполнительский труд целенаправлен, однако репродуктивен, поскольку требует не самоопределения субъекта (исполнителя) трудовой деятельности, а следования заданным извне паттернам (правилам, обычаям, стереотипам или воле властного субъекта). Ю. Г. Волков поэтому выходит за пределы юридического понимания субъектности, утверждая, что ею обладают «не пассивные потребители, а группы реального влияния, способные внести свои требования и ожидания» в политический дискурс [9, с. 44], реализовать самостоятельно выбранные или сгенерированные цели.

Субъектность государства на мировой арене (макро- и мегауровень) выражается не в формальном суверенитете, а в действительной автономии, способности противостоять внешним вызовам и выбирать пути развития. Поскольку сложная макросоциальная солидарность базируется на синергетическом взаимодействии простых ее форм, необходимо позволить развиваться креативным практикам личностного участия и самоорганизации.

Гражданское общество¹ тоже не гарантируется существованием нормативно-правового обеспечения и может оставаться фикцией при фактической монополизации субъектности политическими акторами. Оно возможно лишь при взаимодействии государства с негосударственными субъектами,

---

¹ Гражданское общество здесь понимается традиционным образом как горизонтально структурированная сеть свободных граждан и добровольных некоммерческих ассоциаций и организаций, защищенных от прямого вмешательства государства и иных акторов для реализации общественных интересов, без цели достижения политической или материальной выгоды.

способными к осознанию и защите общих интересов, к самостоятельному определению способов решения социальных проблем, как указывают В. П. Бабинцев, Г. Н. Гайдукова и Ж. А. Шаповал [2].

Снижение субъектности в обществе приводит к редуцированию креативных практик на микроуровне (личности и малых групп) до стереотипов инерционной деятельности, вырождению креативности в репродуктивную или аномические виды деятельности. Внешняя обусловленность мышления, целеполагания и поведения приводит к угасанию творческой активности индивидов и снижению способности общества к успешному преодолению кризисов и трансформаций, например, состояний социальной и культурной травмы, исследуемых Ю. Г. Волковым и Ж. Т. Тощенко [7; 36].

Д. В. Ефременко, А. Ю. Долгов, Я. В. Евсеева связывают ослабление солидарности с травмой распада советского государства [13], А. Б. Гофман – с ослаблением надэтнических, надконфессиональных типов солидарности [11], Ю. Г. Волков – с переводом социальной активности в потребительское русло [9] и снижением критичности мышления. Произошла поляризация общества – низшие слои общества, составляющие большую часть населения, как считает, например, Е. Б. Деминцева, оказались отстранены от процесса принятия решений и возможности творческой инициативы [42]. Как и О. Б. Молодов, она фиксировала отсутствие внятно декларируемых стратегических целей в сознании россиян в первом десятилетии XXI в. было [27; 42]. Такое отсутствие не приводит напрямую к исчезновению солидарности, однако, как обосновывают в своих работах А. Б. Гофман, С. С. Соколов и О. Н. Зайкова, систематические «сбои» субъектности провоцируют распад сложных форм солидарности на простые [11; 33]. Эти элементарные формы субъектности характеризуются меньшей осознанностью: механическая солидарность основана на общности происхождения, принадлежности к этносу или конфессии, а не на осознании совпадения интересов личности и коллектива.

А. В. Лубков, И. В. Литвинова и М. А. Гончаров описывают как на основе обретения субъектности студентами, преподавателями и интеллигенцией [24] в процессе реформирования российского общества XIX в. и получения более широкими слоями общества формальной независимости и доступа к образованию в российском обществе складывалась органическая солидарность отдельных групп низших слоев населения. Движение к новым, «большим» солидарностям классов сопровождалось повышением степени рациональности мышления индивидов, осознанием как частных (индивидуальных и групповых), так и широких социальных (классовых и государственных) интересов. Именно наличие субъектности стоит считать критерием разграничения в российской социальной мысли вынужденной кооперации («инстинктивной взаимопомощи особой вида» В. И. Иванова) [17], насильственной консолидации сверху (П. А. Кропоткин) [23] и сознательной солидарности (Л. И. Мечников) [26].

Оформившийся в работах религиозно-идеалистического направления того же времени (1840-х гг.) соборный принцип подчеркивает роль личной активности, неотчужденной от общества. Вместе с тем, несмотря на господ-

ствовавшую активно-эволюционную доктрину превращения в богочеловечество, преобразования окружающего природного и социального мира, акцент они делали именно на духовно-нравственном самосовершенствовании, а не на улучшении каждодневной жизни, тяжелых условий труда и поощрении участия в социально-политической и экономической сферах, необходимых для развития субъектности членов общества. Снимая противоречие между индивидом и обществом в теории, сторонники идей соборности и всеединства либо уходили от рассмотрения реальных противоречий власть-общество, элита-масса и личность-масса как несущественных со ссылкой на общинность и соборность русского человека, как В. С. Соловьев [34], либо оправдывали их в качестве проявления «естественной иерархичности» бытия, разрушение которой грозит катастрофическими последствиями, как Н. А. Бердяев [3]. Последний, симпатизируя прямым формам демократии, самоуправляемой, конституируемой «снизу» общине и защищая личность от «растворения» и нивелирования [4], как и другие представители религиозно-идеалистической трактовки солидарности, не уделял достаточного внимания научному обоснованию получения большинством юридических и экономических свобод. Как описывал В. В. Зеньковский, российское общество уже будто по умолчанию давало своим членам преимущества «свободы личности как в хоре» [14, с. 36], «встраивало» в нее необходимые высшие ценности. Воспеваемые авторами этого направления полномочность и равноправие членов общины в принятии решений ограничивались рамками конкретной общины, которая сама так и не стала субъектом политического процесса.

Позитивистско-прагматическая трактовка солидарности, основываясь на учении о классах и усложнении общества, учитывала влияние на процессы консолидации качеств субъектности («класс для себя») или бессубъектности («класс в себе») [см. подр. 25] социальных групп. В условиях редуцированной субъектности отдельный индивид, группа или класс представляют собой объект воздействия («угнетенные классы») со стороны обладающих субъектностью. Представители данного подхода подчеркивают ведущую роль не просто общности интересов солидарного сообщества, но их осознания, готовности и умения отстаивать их. Поэтому они рассматривают эволюцию типов солидарности во взаимосвязи с ростом субъектности индивидов и групп – от вынужденной кооперации и консолидации усилий большинства господствующим классом к органической солидарности, от примата коллективной субъектности над невыраженной индивидуальной – ко все большей индивидуализации и рационализации. Консолидация взаимозависимых членов раннего общества имела целью выживание, а дальнейшая конкуренция с другими сообществами и защита от захвата ресурсов потребовали расширения субъектности, которая вначале была присуща в основном лишь управляющему слою.

Оба сложившихся в русской мысли подхода считают условием солидарности сохранение субъектности большинства. Солидарность возникает в результате не отъема, а объединения субъектных сил, которому способствуют: доступ людей к образованию, возможность их творческой самореализации, взаимодействие власти и общества.

Предсказуемость

Солидарность также связывают с чувством ответственности и готовностью следовать общим нормам (О. А. Кармадонов, В. П. Бабинцев, Г. Н. Гайдукова, Ж. А. Шаповал) [18; 41] права и морали, с ясностью правил игры и верой в общие ценности (Д. В. Ефременко, Я. В. Евсеева) [43], обеспечивающих предсказуемость социального взаимодействия. Если субъектность характеризует внутреннее состояние членов солидарного сообщества, то предсказуемость в понимании Г. Д. Ковригиной и О. А. Кармадонова – состояние социальной среды, в которой взаимодействуют индивидуальные и коллективные субъекты, являющееся основанием солидарности [22]. Чрезмерное отдаление социальных слоев друг от друга, нерегулируемая и разнонаправленная (Г. Д. Ковригина, О. А. Кармадонов) [22] деятельность множества субъектов, эгоистический характер мотивации повышают степень непредсказуемости и могут вступать в противоречие с задачами самосохранения коллектива (М. Ф. Сиразетдинова, А. И. Столетов, Р. Х. Лукманова) [45] и способствуют нарушению воспроизводства социальных практик, снижая степень солидарности в обществе.

Несбалансированность субъектности и предсказуемости связана со значительными социальными изменениями, которые в современном обществе происходят со все более высокой скоростью. Ю. Г. Волков описывает как вышеупомянутый дефицит солидарности, так и недостаточное влияние научного сообщества на политику приводят к тому, что средства упорядочивания этих изменений создаются лишь «задним числом», после осознания причин, последствий и значения перемен, как это было с «шоковой терапией» 1990-х гг. [7].

Подрыв предсказуемости как фундамента солидарности российского общества начался еще в позднесоветский период, когда сложились описанные Д. В. Ефременко и Я. В. Евсеевой многочисленные «неформальные сетевые взаимодействия» [43], смягчающие проявления дисфункций формальных институтов. В раннем постсоветском обществе, полагает А. Б. Гофман, дисфункционирование институтов привело к распространению среди большинства чувства правовой незащищенности [11]. Одним из стихийных решений задачи нейтрализации неопределенности социальной среды раннего постсоветского общества стало, по мнению Ю. Г. Волкова, создание частных пространств, которые при чрезмерном замыкании блокируют проявления субъектности и готовность к сопереживанию [8].

В любом сообществе солидарность начинается со сплоченности малых коллективов, основана на доверии и крепких социальных узах микро- и мезоуровня. Степень предсказуемости влияет на качество трудовых отношений и экономического поведения, поэтому, как выявили А. С. Огородов, С. Ю. Саранчук, Н. Г. Чевтаева, корпоративная солидарность зависит от чувства уверенности в завтрашнем дне и проявляется в консолидации коллектива в ситуации нестабильности внешней среды [28]. На

макроуровне, отмечает О. А. Кармадонов, доверие необходимо для формирования правопослушного и активного индивида, убежденности в том, что социальные реформы призваны улучшить жизнь людей [17, с. 17].

Кризис институционального доверия привел к отчуждению большинства от дискредитированных традиционных институтов, ставших механизмами реализации частных интересов. Отсюда в качестве способа «выживания и самопомощи» (Ю. Г. Волков) [8, с. 23], преодоления чувства неопределенности распространились анклавные параллельных, теневых структур доверия, таких как фаворитизм, коррупция и кумовство (А. Ф. Филиппов) [38, с. 69, 74], сервильность (В. П. Бабинцев, Г. Н. Гайдукова, Ж. А. Шаповал) [1], двойная мораль и теневая экономика (Д. В. Ефременко и Я. В. Евсеева) [43] и иные особые «правила поведения, действующие за рамками правового поля» (Е. А. Иваненко) [15].

В условиях деформации принципов социальной справедливости межличностное доверие позволяло использовать неформальные каналы коммуникации для приватизации ресурсов. Невозможность отстоять права и законные интересы, присвоение ресурсов обществом меньшинством неэтичными способами и вывод их за рубеж порождают ощущение несправедливости в распределении жизненных благ – один из самых мощных факторов институционального недоверия, как справедливо отмечают Е. В. Реутов, М. Н. Реутова, Л. В. Колпина, И. В. Бояринова [31] и многие другие авторы. Выявленные О. Б. Молодовым неверие в возможность влияния на органы власти, изменения статус-кво [27], чувство беспомощности сопровождали проявления высокой степени социально-экономического неравенства, отдаления власти и бизнеса от общества, стратификации общества не только по уровню благосостояния, но и формам поведения. Так, «новые русские», в короткие сроки получившие огромные состояния теневыми методами, не только отличались страстью к предметам роскоши, но и выводили активы в офшоры через посредников вместо реинвестирования в отечественную экономику.

Существующие меры социальной политики по индексации доходов населения и материальной поддержки все еще недостаточны для преодоления разрыва между обществом и бизнесом. Остаются нарушенными каналы восходящей социальной мобильности. Значительная часть высококвалифицированных специалистов сталкивается с непониманием их роли в жизни общества и чувствуют невостребованность своего труда, в том числе, как подчеркивает Ю. Г. Волков, не получающего «достойного вознаграждения» вследствие невозможности трудоустройства по выбранной специальности и «вынужденного отчуждения от полученной профессии» [7, с. 22]. К примеру, несмотря на программы поддержки, многие исследователи лишены возможностей в них участвовать в силу тех или иных административных барьеров. Отсутствие доверия и справедливости, четких критериев оценки способностей и достижений личности, двойные стандарты и правовая незащищенность приводят к социальной апатии, безразличию, социальной эксклюзии и замкнутости в подробно описываемых Ю. Г. Волковым частных пространствах, ограничивающих развитие субъектности [8].

Так, можно обоснованно предположить, что ослабление общегражданской солидарности на известном этапе истории российского общества привело к повышению значения солидарностей примордиальных групп и тенденциям локализации и ограничения амбиций [см., напр., 11; 19; 27; 31; 35]. Согласно И. А. Халий, «развал» прежних взаимосвязей [39, с. 44], неравенство как препятствие для деятельности и консолидации социально активной части населения [39, с. 27] привели к выстраиванию макросоциальной солидарности заново на основе объединения вновь выстраиваемых партикулярных солидарностей. Это подтверждается тем, что на смену сильной единой надэтнической советской идентичности пришла множественность идентичностей, связанных «с местом проживания – непосредственной средой обитания» [39, с. 103]. Эти местные и региональные сообщества стали, в терминологии О. Н. Яницкого, «порождающей средой» общественных движений [40]. Сегодня большинство все еще сталкивается, по мнению Ю. Г. Волкова, с «имитативной и не приносящей ощутимых результатов деятельностью» дисфункционалирующих институтов [7, с. 23], а также с описываемым О. Н. Яницким несоответствием работы государственных служб современным потребностям общества [47]. Автор согласен с цитируемыми работами в том, что сочетание многих факторов, такие как довольно резкая трансформация общества, включая экономический уклад и политический строй, распространение влияния новых религиозных и в целом духовных учений ослабили сложившиеся ранее формы солидарности и стали причиной формирования новых ее типов. Причем такое восстановление необходимого для дальнейшего развития общества уровня солидарности начинается с более простых форм солидарности, чем те, что были достигнуты ранее на этапе расцвета¹ иного социально-экономического и духовного строя страны.

С другой стороны, именно критикуемый поворот в сторону комфорта, «мещанства, частных интересов» не обязательно становится, согласно Ю. Г. Волкову, фактором социальной атомизации и препятствием для консолидации российского общества, а напротив, формирует новые типы солидарности, размыкающие приватное пространство [8]. В российском обществе уже частично удовлетворен запрос на системную стабилизацию (Д. В. Ефременко, А. Ю. Долгов, Я. В. Евсеева) [13] и восстановление доверия (И. Н. Трофимова, Д. В. Полетаев) [37; 44], поэтому за последнее десятилетие произошла смена тренда с обеспечения предсказуемости, порядка и стабильности (позднесоветский период и 1990-е гг.) на субъектность, которые проявляются в описанных Ю. Г. Волковым трендах на ответственный профессионализм и преодоление социальной инерции [9].

¹ Несмотря на то, что оппозиция проводится по оси партикулярная – общегражданская (макросоциальная) солидарность, автор здесь не утверждает, что в указанный период существовало движение лишь от простых форм к сложным, или что партикулярные формы солидарности суть ее простые формы. Солидарность в СССР описывается традиционно не как солидарность отдельных социальных движений, этносов, конфессий, региональная, клановая или даже классовая, а как интернациональная, надэтническая и надкофессиональная. Кроме того, рефлексивная, сознательная солидарность общественных движений, безусловно, сложнее внутрисемейной, региональной или внутрикорпоративной солидарности, как и сложнее любой формы солидарности, опирающейся на идентичность, и требует больше усилий для поддержания.

При этом прежние формы консолидации (профсоюзы, общественные организации) стали, как выявил Ю. Г. Волков, менее авторитетны [8], а новые отличаются ситуативностью, недолгими сроками существования. Так, в исследованиях Ю. Г. Волкова [8] и О. Н. Яницкого [47] выявлено, что жертвы экстремальных ситуаций охотнее доверяют представителям неформальных инициативных движений (П. С. Сорокин, И. Д. Фрумин) [36] и сообществ адресной сетевой поддержки нуждающихся на микроуровне, нежели государственным и прогосударственным структурам, вынужденным подчиняться жестким регламентам [9; 47]. Сам подъем волонтерского движения, на наш взгляд, свидетельствует о достижении необходимой степени предсказуемости социальной среды и наличии возможностей удовлетворения потребности в реализации субъектности.

Хотя современные россияне не склонны, по меткому выражению Ю. Г. Волкова, к «жертвенному» коллективизму [8], они готовы к объединению на основе общих интересов и чувства социальной ответственности. Таким образом, новая макросоциальная солидарность тяготеет не к универсальному, вечному и неизменному идеалу соборности (или его секулярного варианта – коммунизма), требующему самопожертвования (В. В. Петухов) [29], нравственности и братской любви, а к многообразным ситуативным практикам делегирования комплементарных интересов нестабильным «группам «одного требования», переходящих от одной социальной проблемы к другой» [8, с. 24]. Не только в связи с трансформациями российского общества, но и в соответствии с «текущим» характером современности эти группы находятся в перманентном поиске возможностей «перехода от состояния социальной «немоты» к конкуренции» (Ю. Г. Волков) [8, с. 27], действуя в первую очередь на низовом уровне и решая конкретные локальные проблемы (местного самоуправления, жилищно-коммунальные), с которыми не справляются государственные институты (Д. В. Ефременко, А. Ю. Долгов, Я. В. Евсеева, О. Н. Яницкий) [47; 13].

Еще одна тенденция – консолидация ради выживания и защиты основных прав постепенно уступает место объединениям для совместного социального творчества, политического участия, расширяющих пределы возможностей личности и ее интересы [2; 9]. Существуют целые сообщества людей, готовых делиться ресурсами не только среди жестко ограниченного круга «своих» (что свойственно солидарностям производителей риска в соответствии с типологией О. Н. Яницкого [47], но и с теми, кто не входит в него («внешняя солидарность» в терминологии С. Г. Климовой) [21].

Общность чувств

Общность чувств считается неотъемлемой, существенной характеристикой солидарной общности, начиная с Э. Дюркгейма и заканчивая современными исследователями. Дюркгейм называл укорененные в обществе коллективные чувства, эмоции и стремления одной из основ (макро)

солидарности. С ним согласны современные отечественные исследователи, с точки зрения которых уровень личностной эмпатии и способность к эмпатическому обмену в микро- и макросоциальных структурах являются показателями возможности создания сообществ (О. А. Кармадонов) [18], а значит, и солидарности (Д. В. Ефременко, Я. В. Евсеева) [43]. Фундамент солидарности и успеха социальных реформ образуют «типическим образом» (Д. В. Полетаев) [44] возникающие и общеразделяемые коллективные и индивидуальные чувства, а «не общность идейно-мировоззренческих позиций» (Ю. Г. Волков) [9] или скоротечный и необязательный энтузиазм [18, с. 22].

К. Маркс полагал общность чувств и ее осознание необходимым основанием солидарности. Все наследующие Дюркгейму и Марксу варианты позитивистско-прагматической трактовки признают основанием солидарности не только объективные условия (социальная структура, позиция классов в системе материального и духовного производства), но и психологическую общность внутри солидарных групп и сообществ и между ними. Исключением можно считать лишь, пожалуй, тектологию А. А. Богданова [6], позиционировавшего солидарность как научно обоснованное и рационально организованное единство.

В рамках религиозно-идеалистической трактовки солидарности как соборности подчеркивается важность высших ценностей и основанных на них чувств – любви, милосердия, личных усилий по духовному самосовершенствованию. Однако солидарность (например, дерущихся футбольных фанатов или лиц, присоединяющихся к протестам (А. Ф. Филиппов) [38]) может существовать и на основе общности низших аффектов и устремлений (в т. ч. карьерных) или вполне обыденных чувств (группы по интересам, хобби). Такие формы солидарности интересуют сторонников религиозно-идеалистической трактовки лишь в плане сравнения с идеалом, выявления недостатков общественного устройства и способов их преодоления, начиная с микроуровня социальности и повседневных дел. Примером движения от сущего к должному можно считать переход от состояния «легиона» В. И. Иванова – обезличивающего механического единства без органического единения [17] – к противоположной ему «коммунитарности» Н. А. Бердяева [4].

В связи с обострением социальной несправедливости могут возникать такие разделяемые социальными группами и сообществами чувства, не удовлетворяющие критериям религиозно-идеалистической трактовки, как гнев, фрустрация, решимость вести борьбу. Важнейшими факторами, объединяющими солидарное сообщество, к примеру, являются по Е. А. Иваненко коллективная (историческая или культурная) травма и трансляция ее культурного и медийного нарратива [15], активизация прошлого шокирующего опыта и связанных с ним страданий группы.

Общность чувств проявляется в эмпатии, аффективной поддержке социальных изменений, альтруизме и самопожертвовании, поскольку проблемы внутри солидарного сообщества рассматриваются если не как собственные, то как близкие и понятные В. П. Бабинцев,

Г. Н. Гайдукова, Ж. А. Шаповал) [2]. Всякая трактовка солидарности предполагает «взаимную симпатию, сопереживание социальных акторов» (А. Б. Гофман) [11, с. 173], проявление активного сочувствия и поддержки (Н. Д. Вавилина) [46] интересов, мнения «сограждан, коллег, близких людей, единоклубия с ними» (Б. В. Заливанский, Е. В. Самохвалова, И. Голикова) [48]. Возвращаясь к истокам партикулярной солидарности в российском обществе, интересно отметить обнаружение А. Блюмом и Б. Меспуле того, что узы дружбы больше, чем профессиональные, связывали бывших ссыльных работников земских администраций и статистиков, врачей и учителей. Общий опыт политической ссылки значил для создания сетей их кооперации, а также благополучного встраивания в советскую систему гораздо больше, чем разность политических убеждений [5].

Большинство современных исследователей акцентируют не постоянство или одинаковость чувств, а их взаимность. А. Ф. Филиппов называет апелляцию к аффектам эффективной для формирования партикулярных солидарностей нового типа. Рассматривая ситуативные солидарности болельщиков, попутчиков и иных случайно складывающихся и быстро распадающихся групп, он, как и другие современные авторы, не настаивает на общеразделяемости, укорененности или интенсивности постоянных либо сиюминутных чувств, которые могут обновляться посредством проведения социальных ритуалов [38].

Результаты исследований Ю. Г. Волкова подтверждают, что личная сопричастность общему делу позволяет отдельному человеку мыслить широко, созвучно перспективным траекториям развития социального целого [7], развивать способности к конструктивному творчеству и чувство социальной ответственности. Тогда как замыкание частных пространств и восприятие «ситуации через схемы ... собственного самочувствия» в качестве защитной реакции на ситуацию неопределенности [8, с. 25] становится причиной дефицита консенсуса и солидарности. Несомненно, именно это имели в виду представители религиозно-идеалистической трактовки солидарности, утверждая, что лишь целостное мышление (Л. Т. Рыскельдиева) [32], «соборное сознание» (Р. Голович) может постичь истину [10, с. 122].

Стоит отметить, что упорно насаждавшаяся с подачи США неолиберальная идеология подрывает рассматриваемую основу солидарности, оценивая жизненные неудачи и нищету широких слоев населения, как это удачно описывает С. Г. Климова, в качестве следствия индивидуального выбора, «совковых качеств», «показателя неэффективности» [21]. Неолиберализм оправдывает описываемые О. Б. Молодовым эгоизм и отстранение от проблем неравенства, преступности, социальной агрессии, потерю эмпатии, безразличие к общим делам и иждивенческие настроения [27]. По нашему мнению, именно дефицит общности чувств способствует описываемому Ю. Г. Волковым прекращению выполнения частным пространством своей защитной функции, перерождению его из области личной автономии и минимизации риска, а безразличия, нарциссизма и иллюзий «в силу сужения жизненных горизонтов» [8, с. 25].

По этой причине социальные акторы переориентируются на расширение границ приватности и создание социальных сетей, перевод формального общения в практику совместных [8, с. 26] «малых дел», включение новых акторов в сообщества партикулярной солидарности.

Заключение

Таким образом, можно утверждать, что существуют три основания, по-разному акцентированных в двух базовых трактовках солидарности, имеющих в российской социальной мысли.

Первым из таких оснований является субъектность. В нашей работе показано, что социальные мыслители постсоветской России в конце XX – начале XXI вв., используя совершенно разные подходы, описывали ослабление солидаризационных процессов сходным образом – как следствие снижения не только ощущения социальной справедливости и доверия (проявлений предсказуемости и общности чувств), но и способности быть основанием собственной деятельности, то есть субъектности.

Религиозно-идеалистическое понимание солидарности, обосновывая единство личности и общества, защищает личность (и ее субъектность) от давления коллективизма и тоталитаризма. Вместе с тем, доказывая необходимость деятельности в интересах общества для самореализации личности, оно ориентировано на предсказуемость социальной среды и общности чувств, проявляющихся в безусловном доверии и чувстве социальной справедливости. Сторонники концепций соборности и всеединства снимают противоречия интересов личности и общества, субъектности и предсказуемости через высокоорганизованное – духовное – единство членов общества, в котором этическими нормами поведения становятся ценности любви и братства.

Прагматически же настроенные социологи (позитивистско-прагматическая трактовка) прежде всего отстаивают необходимость развития и сохранения субъектности различных групп, что требует осознания ими общности потребностей и интересов. Субъектность в данной трактовке – это условие получения прав и свобод и обеспечения преобразования социальной среды социальными агентами, а не их следствие.

Кроме того, субъектность, предсказуемость и общность чувств вообще не стоит сводить к компонентам или неотъемлемым свойствам, или признакам, а следует рассматривать именно как фундамент солидарности, без которого она не может возникнуть.

Конкретно-исторические формы солидарности характеризуют баланс между субъектностью и предсказуемостью, инициативой и управляемостью. Если предсказуемость проявляется в доверии и следовании общим правилам – моральным и правовым нормам, то субъектность – в способности к осознанию и достижению собственных интересов. Предсказуемость в отношениях между социальными акторами можно считать первичной по отношению к субъектности не только в генетическом

смысле, но и по ее значению для стабильности в обществе. При дефиците предсказуемости – неудовлетворенности базовых потребностей и низком уровне доверия – в целом сложнее поддерживать и развивать субъектные качества, а успешные индивиды ориентируются на достижение не долгосрочных и общих с другими людьми и группами, а краткосрочных индивидуальных целей и узкогрупповых интересов.

В целом же в осмыслении российскими социологами оснований солидарности заметно движение от объективистского языка аномии, кризиса, дезинтеграции и модернизации к стремлению понять фундаментальные человеческие потребности, выражаемые терминами участия, травмы, сочувствия, в качестве источников инициативы субъектов, поддерживающих и меняющих общество посредством креативных (инновационных) практик. Общность чувств присутствует как основание солидарности и в позитивистско-прагматической трактовке, рассматривающей ее в качестве предпосылки социальной и экономической поддержки, взаимопомощи и формирования новой коллективной субъектности, а также пытающейся выяснить роль в формировании солидарности таких параметров общности чувств, как постоянство, одинаковость или взаимность чувств. Впрочем, дальнейшие исследования могут обратиться к перспективным направлениям изучения места интенсивности и совместности общих чувств в процессах солидаризации групп и обществ.

Библиографический список

1. Бабинцев В. П., Гайдукова Г. Н., Шаповал Ж. А. Вузовская бюрократия в России – terra incognita социологии образования // Вестник РУДН. Сер.: Социология. 2022. Т. 22. № 4. С. 895–908. DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-4-895-908; EDN: VKBSBW.
2. Бабинцев В. П., Гайдукова Г. Н., Шаповал Ж. А. Солидарные основания гражданского общества в российском регионе // Общество: социология, психология, педагогика. 2020. № 4(72). С. 14–19. DOI: 10.24158/spp.2020.4.1; EDN: IREYPH.
3. Бердяев Н. А. Личность и общинность (коммюнитарность) в русском сознании // На пороге новой эпохи (1945–1947). СПб.: РХГИ, 1996. С. 235–261.
4. Бердяев Н. А. Философия неравенства. Письма к недругам по социальной философии. М.: АСТ, 2010. 352 с.
5. Блюм А., Меспуле М. Бюрократическая анархия: Статистика и власть при Сталине / Пер. с фр. М.: РОССПЭН, 2006. 328 с.
6. Богданов А. А. Тектология: Всеобщая организационная наука. М.: Академ. проект, 2020. 712 с.
7. Волков Ю. Г. Общество травмы: поиск пути исцеления (приглашение к дискуссии) // Социологические исследования. 2020. № 9. С. 16–27. DOI: 10.31857/S013216250009344-1; EDN: TCMBRG.

8. Волков Ю. Г. Приватное пространство: опыт социологической рефлексии солидаристского потенциала новой социальной реальности // Социологические исследования. 2017. № 12. С. 20–29. DOI: 10.7868/S0132162517120030; EDN: ZWLWCR.
9. Волков Ю. Г. Солидарная активность в российском обществе: креативные практики // Социологические исследования. 2017. № 2. С. 41–48. EDN: VVALKH.
10. Голович Р. Соборность: из истории русской религиозной социальной мысли // Социологические исследования. 2020. № 5. С. 121–125. DOI: 10.31857/S013216250009389-0; EDN: VTCQAR.
11. Гофман А. Б. Солидарность или правила, Дюркгейм или Хайек? О двух формах социальной интеграции // Традиция, солидарность и социологическая теория. Избр. Тексты / Отв. ред. А. Б. Гофман. М.: Новый Хронограф, 2015. С. 160–248.
12. Дьякова В. В. Солидарность в контексте анализа региональной идентичности (по результатам социологического исследования) // Теория и практика общественного развития. 2021. № 12(166). С. 30–34. DOI: 10.24158/tipor.2021.12.3; EDN: TLYVAJ.
13. Ефременко Д. В., Долгов А. Ю., Евсеева Я. В. Россия между системными катастрофами и эволюционными трансформациями: политико-онтологические аспекты // Полис. Политические исследования. 2017. № 5. С. 24–42. DOI: 10.17976/jpps/2017.05.03; EDN: ZGSQIB.
14. Зеньковский В. В. История русской философии: в 2 т. Л.: Эго, 1991. Т. 1. Ч. 2. 280 с.
15. Иваненко Е. А. Change.org как форма «случайной политики»: анализ русскоязычных петиций // Полис. Политические исследования. 2022. № 2. С. 52–67. DOI: 10.17976/jpps/2022.02.05; EDN: JSJTCJ.
16. Иванов В. И. Легион и соборность // Собрание сочинений: в 4 т. / Ред. Д. В. Иванов, О. Дешарт (Шор). Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1979. Т. 3. С. 253–261.
17. Иванов В. И. Родное и вселенское. М.: Республика, 1994. 428 с.
18. Кармадонов О. А. Нормы и эмпатия как факторы социальных преобразований // Социологические исследования. 2012. № 4. С. 17–25. EDN: OYSNGT.
19. Кармадонов О. А., Зверев М. К. Консолидация российского общества: потоки и преграды. Иркутск: ИГУ, 2012. 223 с.
20. Кемеров В. Е. Общество, социальность, полисубъектность. М.: Академ. проект, 2012. 252 с.
21. Климова С. Г. Идеи и практики солидарности в добровольческом движении // Социологические исследования. 2013. № 6(350). С. 32–41. EDN: QZBRDH.

22. Ковригина Г. Д., Кармадонов О. А. Неочевидность солидарности: проблема эмпирического изучения трудно верифицируемых социальных состояний // Социологические исследования. 2018. № 10(414). С. 14–23. DOI: 10.31857/S013216250002154-2; EDN: AOPGIS.
23. Кропоткин П. А. Взаимопомощь как фактор эволюции. М.: Самообразование, 2011. 256 с.
24. Лубков А. В., Литвинова И. В., Гончаров М. А. Традиции солидарности и кооперации в пространстве московских высших женских курсов // Преподаватель XXI век. 2022. № 1(1). С. 11–20. DOI: 10.31862/2073-9613-2022-1-11-20; EDN: NUAQUS.
25. Маркс К. Ницета философии. Ответ на «Философию ницеты» г-на Прудона. М.: АСТ, 2020. 220 с.
26. Мечников Л. И. Цивилизация и великие исторические реки. М.: Вече, 2021. 288 с.
27. Молодов О. Б. Социальная консолидация в условиях новой реальности: проблема общественной активности и идентичности населения региона // Проблемы развития территории. 2016. № 2(82). С. 82–97. EDN: VSENMB.
28. Огородов А. С., Саранчук С. Ю., Чевтаева Н. Г. Корпоративная сплоченность профессионального сообщества в условиях нестабильности рынка труда промышленного региона // Вестник РУДН. Сер.: Социология. 2017. Т. 17. № 1. С. 83–95. DOI: 10.22363/2313-2272-2017-17-1-83-95; EDN: XWEZDR.
29. Петухов В. В. Гражданское общество и демократия участия // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2006. № 1(77). С. 22–26. EDN: PCQDQH.
30. Пушкарева Г. В., Кузнецов И. И., Батоврина Е. В. Особенности включения российского студенчества в общественные солидарные связи // Социологические исследования. 2021. № 10. С. 125–131. DOI: 10.31857/S013216250012813-7; EDN: IBOBYQ.
31. Реутов Е. В., Реутова М. Н. и др. «Культура недоверия» в региональном социуме: факторы и социальные практики / Отв. ред. Е. В. Реутов. Белгород: ИД «Белгород» НИУ БелГУ, 2013. 176 с.
32. Рыскельдиева Л. Т. В защиту смысла и его логики // Философский журнал. 2022. Т. 15. № 4. С. 26–34. DOI: 10.21146/2072-0726-2022-15-4-26-34; EDN: IGNZTL.
33. Соковиков С. С., Зайкова О. Н. О месте идентичности, разнообразия и солидарности в современной культурной политике // Вестник ЮУрГУ. Сер. «Социально-гуманитарные науки». 2022. Т. 22. № 1. С. 78–85. DOI: 10.14529/ssh220110; EDN: EYKNHZ.
34. Соловьев В. С. Очерки по истории русского сознания // Вестник Европы. 1889. № 11. С. 363–388.

35. Сорокин П. С., Фрумин И. Д. Проблема «структура/действие» в XXI в.: изменения в социальной реальности и выводы для исследовательской повестки // Социологические исследования. 2020. № 7. С. 27–36. DOI: 10.31857/S013216250009571-1; EDN: FQYGNL.
36. Тощенко Ж. Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). М.: Весь Мир, 2020. 352 с. EDN: QLXXDD.
37. Трофимова И. Н. Структура и динамика институционального доверия в современном российском обществе // Социологические исследования. 2017. № 5. С. 68–75. DOI: 10.7256/2454-0684.2017.9.24107; EDN: YQRHEV.
38. Филиппов А. Ф. Мобильность и солидарность. Статья вторая // Социологическое обозрение. 2012. Т. 11. № 1. С. 19–39. EDN: OZNZWP.
39. Халий И. А. Современные общественные движения: инновационный потенциал российских преобразований в традиционалистской среде. М.: ИС РАН, 2007. 300 с.
40. Яницкий О. Н. Экологическое движение в России. Критический анализ. М.: ИС РАН, 1996. 216 с.
41. Babintsev V. P., Gaidukova G. N., Shapoval Zh. A. Consolidation of territorial communities as a social project // Revista de investigaciones Universidad Del Quindío. 2022. No. 34(S3). P. 134–141. DOI: 10.33975/riuuq.vol34nS3.990.
42. Demintseva E. Understanding Russia's brain drain in the 2010s // Problems of Post-Communism. 2021. Vol. 68. No. 6. P. 521–530. DOI: 10.1080/10758216.2021.1905533.
43. Efremenko D., Evseeva Y. Studies of social solidarity in Russia: tradition and modern trends // The American Sociologist. 2012. No. 43. P. 349–365. DOI: 10.1007/s12108-012-9165-2.
44. Poletaev D. V. From mistrust to solidarity or more mistrust? Russia's migration experience in the international context // Russia in Global Affairs. 2019. Vol. 17. No. 1. P. 171–200. DOI: 10.31278/1810-6374-2019-17-1-171-200.
45. Sirazetdinova M. F., Stoletov A. I., Lukmanova R. Kh. Manipulation, individuation, and the Self // Cogito. 2021. Vol. XIII. No. 4. P. 102–123. URL: http://cogito.ucdc.ro/COGITO_DECEMBER_2021.pdf (дата обращения: 01.03.2023).
46. Vavilina N. D. Solidaritization as a social phenomenon and social process: regional context // Regional Research of Russia. 2020. Vol. 10. P. 431–442. DOI: 10.1134/S2079970520030144.
47. Yanitskiy O. On the volunteers and volunteering: the case of Russia // Creative Education. 2020. No. 11. P. 307–320. DOI: 10.4236/ce.2020.113024.

48. Zalivanskiy B., Samokhvalova E., Golikova I. Factors determining character of solidarity in Russian region // Research paradigms transformation in Social Sciences: European Proceedings of Social and Behavioural Sciences / Ed. by I. B. Ardashkin, N. V. Martyushev et al. L.: Future Academy, 2018. Vol. 35. P. 837–845. DOI: 10.15405/epsbs.2018.02.99.

Получено редакцией: 15.05.23

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Сиразетдинова Миляуша Фаритовна, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры социологии и работы с молодежью, Уфимский университет науки и технологий

DOI: 10.19181/vis.2024.15.1.3

Russian Sociologists on the Foundations of Solidarity: Subjectivity, Predictability and Common Feelings¹

Miliausha F. Sirazetdinova

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

glavredsirazi@gmail.com

ORCID: 0000-0002-5572-4351

For citation: Sirazetdinova M. F. Russian sociologists on the foundations of solidarity: subjectivity, predictability and common feelings. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 1. P. 70–90. DOI: 10.19181/vis.2024.15.1.3; EDN: QGEQFM.

Abstract. Each concept of solidarity emphasises certain grounds and factors of solidarisation of society, linking them to social changes or, on the contrary, to the constants of human existence. In periods of social change, not only a decrease or increase in the degree of social consolidation takes place, but also a weakening of some forms of solidarity and the formation of others. The purpose of this study is to identify the bases of solidarity related to sociality and anthropological parameters of being. Although forms of solidarity change from society to society and at different historical stages of their development, no society remains viable and progressive in the absence of solidarity. The present study of the foundations of solidarity goes beyond both traditional sociological concepts of integration and disintegration, of normal society and anomie, and psychological theories of group needs and self-expression, that describe only the immediate preconditions and effects of solidarity. The author relies on secondary analysis of sources and theoretical analysis of sociological concepts of sociality and social reproduction. The research materials include publications by Russian scholars from the 19th century, when the first concepts of sobornost', omnipresence and positivist-practical interpretations of solidarity emerged in Russian sociology, to the present day, devoted to the issues of conditions for the formation of solidarity, consolidation and deconsolidation of society. The author identifies explicitly and implicitly present in the sources of understanding about the foundations of solidarity related to the constants of human existence and sociality: subjectivity, predictability and commonality of feelings. The subjectivity of social actors as the highest, reflexive level of subjectivity determines their ability and will to social creativity and actions in favour of the social whole. The predictability of the social environment ensures the majority's adherence to acceptable common rules, belief in common values on the basis of mutual trust and justice. Mutual aid and altruism within solidarity communities are considered as impossible without the third foundation of solidarity – the community of feelings of social subjects, associated with the commonality of their life worlds.

Keywords: solidarity, Russian society, social practice, social theory, subjectivity, empathic joining

References

1. Babintsev V. P., Gaidukova G. N., Shapoval Zh. A. Russian university bureaucracy – terra incognita for sociology of education. *Vestnik RUDN. Ser. Sociologiya*, 2022: 22 (4): 895–908 (in Russ.). DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-4-895-908; EDN: VKBSBW.

¹ The research was funded by grant of the RSF No. 23-28-01474.

2. Babintsev V. P., Gaidukova G. N., Shapoval Zh. A. Solidary foundations of civil society in the Russian region. *Obschestvo: sociologiya, psichologiya, pedagogika*, 2020: 4 (72): 14–19 (in Russ.). DOI: 10.24158/spp.2020.4.1; EDN: IREYPH.
3. Berdyaev N. A. Lichnost' i obshhinnost' (kommyunotarnost') v russkom soznanii [Personality and communality (communitarity) in Russian consciousness]. In *Na poroge novoi epohi (1945–1947) [On the Threshold of a New Era. (1945–1947)]*. St. Petersburg, RHGI, 1996: 235–261 (in Russ.).
4. Berdyaev N. A. *Filosofiya neravenstva. Pis'ma k nedrugam po social'noy filosofii [The philosophy of inequality: Letters to my contemnners]*. Moscow, AST, 2010: 352 (in Russ.).
5. Blum A., Mespule M. *Byurokraticheskaya anarkhiya: Statistika i vlast' pri Staline [Bureaucratic anarchy: statistics and power under Stalin]* Moscow, ROSSPEN, 2006: 328 (in Russ.).
6. Bogdanov A. A. *Tectology: Universal organization science*. Moscow, Akadem. proyekt, 2020: 712 (in Russ.).
7. Volkov Yu. G. Society of trauma: in search of healing (invitation to the discussion). *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2020: 9: 16–27 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250009344-1; EDN: TCMBRG.
8. Volkov Yu. G. Private space as a research problem of sociological reflection of new social reality. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2017: 12: 20–29 (in Russ.). DOI: 10.7868/S0132162517120030; EDN: ZWLWCR.
9. Volkov Yu. G. Solidary activity in Russian society: creative practices. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2017: 2: 41–48 (in Russ.). EDN: VVALKH.
10. Golovic R. The 'sobornost': from the history of Russian religious and social thought. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2020: 5: 121–125 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250009389-0; EDN: VTCQAR.
11. Gofman A. B. Solidarity or rules, Durkheim or Hayek? On two forms of social integration. In *Tradition, solidarity and sociological theory. Selected texts*. Ed. by A. B. Gofman. Moscow, Novyy Hronograf, 2015: 160–248 (in Russ.).
12. Dyakova V. V. Solidarity in the context of regional identity analysis (based on the results of a sociological study). *Teoriya i praktika social'nogo razvitiya*, 2021: 12(166): 30–34 (in Russ.). DOI: 10.24158/tipor.2021.12.3; EDN: TLYVAJ.
13. Efremenko D. V., Dolgov A. Y., Evseeva Y. V. Russia between system catastrophes and evolutionary transformations: aspects of political ontology. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2017: 5: 24–42 (in Russ.). DOI: 10.17976/jpps/2017.05.03; EDN: ZGSQIB.
14. Zenkovskiy V. V. *Istoriya russkoy filosofii [The history of Russian philosophy]*. In 2 vol. Vol. 1. P. 2. Leningrad, Ego, 1991: 280 (in Russ.).
15. Ivanenko E. A. Change.org as a form of casual politics. Analysis of Russian-language petitions. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2022: 2: 52–67 (in Russ.). DOI: 10.17976/jpps/2022.02.05; EDN: JSJTCJ.
16. Ivanov V. I. Legion i sobornost' [Legion and sobornost']. In *Sobraniye sochineniy: v 4 t. T. 3 [Collected works: in 4 vol. Vol. 3]*. Ed. by D. V. Ivanov, O. Deshart (Shor). Brussel, Foyer Oriental Chrétien, 1979: 253–261 (in Russ.).
17. Ivanov V. I. *Rodnoye i vselenskoye [Native and universal]*. Moscow, Respublika, 1994: 428 (in Russ.).
18. Karmadonov O. A. Norms and empathy as factors of social transformations. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2012: 4: 17–25 (in Russ.). EDN: OYSNGT.
19. Karmadonov O. A., Zverev M. K. *Konsolidatsiya rossiyskogo obshchestva: potoki i pregrady [Consolidation of Russian Society: Flows and Obstacles]*. Irkutsk, IGU, 2012: 223 (in Russ.).
20. Kemerov V. E. *Obshchestvo, sotsial'nost', polisub'yektnost' [Society, Sociality, Polysubjectivity]*. Moscow, Akadem. proyekt, 2012: 252 (in Russ.).
21. Klimova S. G. The ideas and practice of solidarity in the volunteer movement. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2013: 6(350): 32–41 (in Russ.). EDN: QZBRDH.
22. Kovrigina G. D., Karmadonov O. A. The non-obvious solidarity: the problem of empirical study of hardly verified social states. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2018: 10(414): 14–23 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250002154-2; EDN: AOPGIS.

23. Kropotkin P. A. *Vzaimopomoshch' kak faktor evolyutsii* [Mutual aid: A factor of evolution]. Moscow, Samoobrazovaniye, 2011: 256 (in Russ.).
24. Lubkov A. V., Litvinova I. V., Goncharov M. A. Traditions of solidarity and cooperation in the space of Moscow higher women's courses. *Prepodavatel XXI vek*, 2022: 1(1): 11–20 (in Russ.). DOI: 10.31862/2073-9613-2022-1-11-20; EDN: NUAQUS.
25. Marx K. *The Poverty of Philosophy. Answer to the Philosophy of poverty by M. Proudhon*. Moscow, AST, 2020: 220 (in Russ.).
26. Mechnikov L. I. *Tsivilizatsiya i velikiye istoricheskiye reki* [Civilization and the great historical rivers]. Moscow, Veche, 2021: 288 (in Russ.).
27. Molodov O. B. Social consolidation in the new reality: the problem of social activity and identity of regional population. *Problemy razvitiya territoriy*, 2016: 2(82): 82–97 (in Russ.). EDN: VSENMB.
28. Ogorodov A. S., Saranchuk S. Y., Chevtaeva N. G. Corporate professional unity under the unstable labor market in the industrial region. *Vestnik RUDN. Ser. Sociologiya*, 2017: 17(1): 83–95 (in Russ.). DOI: 10.22363/2313-2272-2017-17-1-83-95. EDN: XWEZDR.
29. Petukhov V. V. Civil society and participatory democracy. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskkiye i sotsial'nyye peremeny*, 2006: 1(77): 22–26 (in Russ.). EDN: PCQDQH.
30. Pushkareva G. V., Kuznetsov I. I., Batovrina E. V. Specifics of Russian students inclusion into the social solidarity relationships. *Sotsiologicheskkiye issledovaniya*, 2021: 10: 125–131 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250012813-7; EDN: IBOBYQ.
31. Reutov E. V., Reutova M. N. et al. “Kul'tura nedoveriya” v regional'nom sotsiume: faktory i sotsial'nyye praktiki [“Culture of distrust” in regional society: factors and social practices]. Belgorod, ID “Belgorod” NIU BelGU, 2013: 176 (in Russ.).
32. Ryskeldiyeva L. T. In defence of Smysl and its logic. *Filosofskiy zhurnal*, 2022: 15(4): 26–34 (in Russ.). DOI: 10.21146/2072-0726-2022-15-4-26-34; EDN: IGNZTL.
33. Sokovikov S. S., Zaikova O. N. On the place of identity, diversity and solidarity in modern cultural policy: problems of articulation of concepts. *Vestnik YuUrGU. Ser. “Social'no-gumanitarnyye nauki”*, 2022: 22(1): 78–85 (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh220110; EDN: EYKNHZ.
34. Solovyov V. S. *Ocherki po istorii russkogo soznaniya* [Essays on the history of Russian consciousness]. *Vestnik Evropy*, 1889: 11: 363–388 (in Russ.).
35. Sorokin P., Froumin I. “Structure-Agency” problem in the XXI century: social development and research implications. *Sotsiologicheskkiye issledovaniya*, 2020: 7: 27–36 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250009571-1; EDN: FQYGNL.
36. Toshchenko Zh. T. *Society of trauma: Between Evolution and Revolution (Experience of theoretical and applied analysis)*. Moscow, Ves Mir, 2020: 352 (in Russ.). EDN: QLXXDD.
37. Trofimova I. N. Structure and dynamic of institutional trust in contemporary Russian society. *Sotsiologicheskkiye issledovaniya*, 2017: 5: 68–75 (in Russ.). DOI: 10.7256/2454-0684.2017.9.24107; EDN: YQRHEV.
38. Filippov A. F. Mobil'nost' i solidarnost'. Stat'ya vtoraya [Mobility and solidarity. Article second]. *Sociological review*, 2012: 11(1): 19–39 (in Russ.). EDN: OZNZWP.
39. Khaliy I. A. *Sovremennyye obshchestvennyye dvizheniya: innovatsionnyy potentsial rossiyskikh preobrazovaniy v traditsionalistskoy srede* [Contemporary social movements: The innovative potential of Russian transformations in the traditionalist environment]. Moscow, IS RAN, 2007: 300 (in Russ.).
40. Yanitskiy O. N. *Ekologicheskoye dvizheniye v Rossii. Kriticheskiy analiz* [Ecological movement in Russia. Critical analysis]. Moscow, IS RAN, 1996: 216 (in Russ.).
41. Babintsev V. P., Gaidukova G. N., Shapoval Zh. A. Consolidation of territorial communities as a social project. *Revista de investigaciones Universidad del Quindío*, 2022: 34(S3): 134–141. DOI: 10.33975/riuq.vol34nS3.990.
42. Demintseva E. Understanding Russia's brain drain in the 2010s. *Problems of Post-Communism*, 2021: 68(6): 521–530. DOI: 10.1080/10758216.2021.1905533.
43. Efremenko D., Evseeva Y. Studies of social solidarity in Russia: tradition and modern trends. *The American sociologist*, 2012: 43: 349–365. DOI: 10.1007/s12108-012-9165-2.

44. Poletaev D. V. From mistrust to solidarity or more mistrust? Russia's migration experience in the international context. *Russia in global affairs*, 2019: 17(1): 171–200. DOI: 10.31278/1810-6374-2019-17-1-171-200.
45. Sirazetdinova M. F., Stoletov A. I., Lukmanova R. Kh. Manipulation, individuation, and the Self. *Cogito*, 2021: XIII(4): 102–123. Accessed 01.03.2023 http://cogito.ucdc.ro/COGITO_DECEMBER_2021.pdf
46. Vavilina N. D. Solidaritization as a social phenomenon and social process: regional context. *Regional research of Russia*, 2020: 10: 431–442. DOI: 10.1134/S2079970520030144.
47. Yanitskiy O. On the volunteers and volunteering: the case of Russia. *Creative education*, 2020; 11: 307–320. DOI: 10.4236/ce.2020.113024.
48. Zalivanskiy B., Samokhvalova E., Golikova I. Factors determining character of solidarity in Russian region. In European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. Research paradigms transformation in Social Sciences. Ed. by I. B. Ardashkin, N. V. Martyushev et al. London, Future Academy, 2018: 35: 837–845. DOI: 10.15405/epsbs.2018.02.99.

The article was submitted on: May 15, 2023

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Miliausha F. Sirazetdinova, Candidate of Philosophical Sciences, Senior Lecturer at the Department of Sociology and Youth Work, Ufa University of Science and Technology